

В императорском кабинете, в глубине дворца, Линь Юйцзэ ровным, размеренным голосом зачитывала донесения.

— Губернатор Юго-Запада докладывает: край богат летним урожаем, уже подготовлено десять возов сезонных фруктов для отправки в столицу.

Императрица, лениво растянувшись на кушетке, отозвалась:

— Понятно.

Она лежала, закрыв глаза, пока служанка умелыми движениями массировала ей голову.

Линь Юйцзэ продолжила:

— Гарнизон северных рубежей сообщает: за последние месяцы со стороны чжурчжэней никаких подозрительных движений не наблюдалось.

— Понятно.

— Глава Министерства общественных работ докладывает: строительство летней резиденции в основном завершено. Но сейчас уже почти осень, стоит ли отправляться туда? Если Ваше Величество пожелает поехать, они ускорят завершение последних работ.

— Не поеду.

Линь Юйцзэ передала свиток Сюй Дэчжуну, и тот киноварью поставил резолюцию об отказе.

Чтение занимало целые вечера. По правде говоря, с характером императрицы она не доверила бы никому такую работу, но в последнее время зрение стало подводить её — всё вокруг расплывалось.

Великая императрица Великой Ся, в конце концов, стала близорукой.

В нынешние времена очки уже существовали. Способ изготовления стекла из расплавленного песка пришел с Запада, и в Академии Ханьлинь несколько старых ученых уже пользовались такими приспособлениями. Однако нынешняя технология не позволяла добиться высокой прозрачности, и смотреть через такие линзы было сущим мучением.

Линь Юйцзэ могла бы воспользоваться системой и выменять для императрицы нормальные

очки, но сама судьба помогала ей: наконец-то появился повод отвадить правительницу от бумажной волокиты. Разумеется, она не собиралась ничего менять.

Линь Юйцзэ пригрозила: если императрица продолжит так истязать глаза, не зная ни сна, ни отдыха, то через год-два она перестанет различать даже лицо самой Линь Юйцзэ.

Императрица, разумеется, не могла допустить такого, поэтому скрепя сердце переложила чтение на Линь Юйцзэ. Та лишь бегло просматривала бумаги и пересказывала суть, а финальное решение оставалось за Сюй Дэчжуном.

Сюй Дэчжун с детства обучался грамоте и боевым искусствам, его лично воспитывал старейшина Линь. Он много лет был рядом с императрицей и пользовался её полным доверием, так что лучшей кандидатуры было не найти.

— Кхе-кхе, Цзян Ли, у меня уже голос садится, — Линь Юйцзэ потерла пересохшее горло, но даже большой глоток чая не помог.

Императрица открыла глаза:

— Я ведь говорила, что это не выход. Давай так: ты будешь зачитывать половину, а остальное я буду просматривать сама.

Линь Юйцзэ категорически отказала:

— Ни в коем случае! Лекарь сказал, что симптомы только проявились, нужно беречь глаза, больше смотреть на цветы и зелень — глядишь, и удастся поправить дело. А если продолжишь нагружать зрение, то скоро совсем ослепнешь. Если мы с евнухом Сюй встанем рядом, ты даже не поймешь, кто из нас кто. Вот беда-то будет!

Императрица бросила на неё укоризненный взгляд. Даже если она ослепнет, как можно перепутать Сюй Дэчжуна с ней?

— А на утренних аудиенциях? Стоят министры плотной толпой, ты никого не найдешь. И что еще хуже — проснешься утром и не поймешь, кто рядом с тобой лежит...

Императрица, услышав это, нахмурилась. Она зажала Линь Юйцзэ рот рукой, а другой ущипнула за бок, заставив ту замолчать.

— Что за глупости ты несешь? Совсем страх потеряла? — проворчала она.

Линь Юйцзэ не зря язвила. За последние дни, разбирая доклады, она постоянно натыкалась на прошения от знатных семей, желающих прислать своих сыновей или дочерей ко двору якобы

для почтения Вдовствующей императрице. Поначалу Линь Юйцзэ не придавала этому значения, но потом заметила, что Вдовствующая императрица всё чаще зовет дочь на трапезы во дворец Цымин.

Расспросив дворцовых евнухов, она поняла, что это были смотрины. Линь Юйцзэ пришла в такую ярость, что тихонько припрятала несколько подобных прошений, вынесла их из дворца и разорвала, чтобы использовать в качестве туалетной бумаги.

— И что же делать? Доклады-то нужно просматривать, — озабоченно спросила императрица.

Линь Юйцзэ заранее подготовила ответ:

— Цзян Ли, посмотри сама: большая часть этих бумаг — пустая формальность. Впредь все маловажные вопросы передавай в Силицзянь, а мне оставляй только финансы, армию и государственное управление.

Линь Юйцзэ убеждала её доводами и чувствами, снова пугала слепотой, и в конце концов императрица сдалась.

Когда Линь Юйцзэ была рядом, она читала сама. Когда её не было — в Силицзянь выбирали смышленного евнуха с приятным голосом.

Прошел месяц в относительном спокойствии. Первыми неладное почуяли в Кабинете министров: резолюции императрицы изменились. Раньше она писала Да, Нет или Понятно, а теперь на бумагах красовалось Приемлемо, Неприемлемо или Прочитано.

Раньше министры, заподозрив неладное, могли подать прошение о личной аудиенции. Но после случая с покушением доступ посторонних вглубь дворца ограничили, чтобы убийцы не могли изучить планировку.

С тех пор попасть к императрице стало почти невозможно. Дворцовые караулы усилили, и на десять прошений девять возвращались с отказом: Императрица отдыхает, Императрица не принимает министров, Вход во внутренние покои запрещен.

Сама императрица не замечала перемен. Все это происходило под чутким руководством Линь Юйцзэ, изменения были столь постепенными, что никто не придавал им значения. Но со временем некоторые министры, например, старейшина Линь, почувствовали неладное.

Стоило Линь Юйцзэ выйти из дворца, как её тут же пригласил к себе отец. Она догадывалась, о чем пойдет речь, но пришлось идти — в конце концов, она всё еще нуждалась в поддержке своего рода.

В доме Линь даже чаю не предложили. Старейшина сидел с нахмуренными бровями, готовясь к

допросу.

— Зэ-эр, ты намеренно отрезаешь императрицу от двора?

— Да.

— Ты понимаешь, что творишь?

— Понимаю.

— Я хочу, чтобы ты остановилась. Ты слушаешься?

Линь Юйцзэ сжала кулаки, вцепившись в ткань своих брюк.

— Выпущенная стрела назад не вернется.

Старейшина Линь вздохнул. Дочь выросла, у нее свой путь. Ему было жаль её, но приходилось позволить ей лететь самостоятельно — родители всегда разрываются между заботой и необходимостью отпустить.

— Оперилась ты, я погляжу.

Похоже, отец не был так зол, как она ожидала. Линь Юйцзэ попыталась смягчить его:

— Это всё благодаря вашему воспитанию.

Старейшина чуть не рассмеялся от такой дерзости:

— Я тебя такому не учил — идти против воли государства.

Линь Юйцзэ лишь усмехнулась. Против воли? Да, так и есть. Но выбора у нее не было.

Старейшина молча протянул ей список:

— Здесь имена министров, с которыми я еще могу найти общий язык. Запомни их и сожги этот список. Если что-то произойдет, не задевай их интересы, иначе потом не вини никого в предательстве.

Линь Юйцзэ просматривала имена снова и снова, пока не заучила каждое. Как и ожидалось,

многие из тех, кто проявлял к ней интерес на банкете, были в этом списке.

Уходя из дома, она всё думала о словах отца:

— Запомни, если оступишься, наш род, накопленный за сотню лет, падет, и в конце концов всех нас казнят на торговой площади.

Влияние Дун-чан росло, но на душе у Линь Юйцзэ было беспокойно, особенно когда племянник Вдовствующей императрицы столкнулся с ней при входе во дворец.

Вдовствующая императрица Вэй приказала устроить пышный пир и послала за дочерью.

Императрице скоро исполнялось двадцать, а рядом не было никого, даже наследника. Министры беспокоились, но Вдовствующая императрица Вэй сходила с ума от тревоги.

После недавнего покушения она поняла: случись с Цзян Ли что-то плохое, она сама не переживет горя. У нее была только эта дочь. Если Цзян Ли не станет, трон займет кто-то другой, например, семилетний шестой принц Тоба Цзянчан, за которым тоже стояли влиятельные силы.

А сама она останется одинокой старухой в глубине дворца. Кем она будет без статуса матери правящего императора?

Вдовствующая императрица сгорала от нетерпения. Столько людей жаждали власти, а её дочь вместо того, чтобы задуматься о продолжении рода, целыми днями пропадала со своей спутницей.

Императрица медленно ела кашу, даже не притрагиваясь к любимым блюдам. Аппетит пропадал, особенно когда племянник Вдовствующей императрицы, Юй Сюфэн, начинал свой назойливый разговор.

— Ваше Величество, позавчера я написал картину Пионы в летний день и сегодня принес её в подарок тетушке. Слышал, Вы тоже искусны в живописи, осмелюсь просить Вас о критике.

Юй Сюфэн был статен, лицо его было привлекательным, но манера говорить вызывала у императрицы лишь желание поморщиться. Она любила пионы, потому что Линь Юйцзэ часто дарила их, сравнивая красоту императрицы с этим цветком. Лесть Юй Сюфэна была неуместна.

С момента тех злополучных смотрин Юй Сюфэн стал частым гостем во дворце, и в его взгляде, обращенном к императрице, всегда читалось подавляемое, но глубокое желание.

Императрица отложила палочки.

— Матушка, я устала. О картине поговорим в другой раз.

Она поднялась, собираясь уйти. Юй Сюфэн опустил голову, сохраняя почтительное выражение лица, но в глазах его затаилась тьма.

Это был не первый раз, когда императрица сбегала, но так демонстративно — впервые.

Терпение Вдовствующей императрицы лопнуло. Она ударила рукой по подлокотнику:

— Ваше Величество, останьтесь!

В зале воцарилась тишина. Вдовствующая императрица была женщиной мудрой и не хотела устраивать сцену.

— Фэн-эр, ты здесь уже не в первый раз, но так и не осмотрел императорский сад. Пусть Ли-мама проводит тебя к новым клумбам. Если захочешь сделать наброски, просто скажи евнухам.

Юй Сюфэн поклонился:

— Благодарю за милость.

Когда он ушел, Вдовствующая императрица оставила дочь для воспитательной беседы.

Линь Юйцзэ, уныло корпевшую над докладами в кабинете, известили, что Юй Сюфэн отправился в сад в одиночку. Она бросила свиток и свистнула:

— Пошли, прогуляемся в саду!

Психологическая устойчивость Юй Сюфэна была поразительной: даже видя явное нежелание императрицы общаться, он продолжал маячить у нее перед глазами.

Растерев тушь и развернув свиток, он принялся за набросок цветов.

— У господина Юй утонченный вкус.

Линь Юйцзэ подошла, улыбаясь, но в глазах её сверкал холод.

— Госпожа Линь слишком добра.

— Раньше, когда я не состояла на службе, можно было называть меня спутницей, но теперь? Вашу семью совсем не учили манерам?

Юй Сюфэн, которого только что обвинили в невоспитанности, остался невозмутим:

— Отец учил меня: если человек занимает несколько должностей, обращаться к нему следует по самому почетному титулу. В моих глазах, пусть должность спутницы и невысока, но она всегда рядом с Вашим Величеством — это и есть самая великая честь.

Линь Юйцзэ замерла. Она видела много наглецов, но настолько бесстыдно-самоуверенных — никогда!

<http://bllate.org/book/19929/1961111>